

УДК 903.2

С.И. Баранова

Московский государственный объединенный музей-заповедник
пр. Андропова, 39, 115487, Москва, Россия
E-mail: svetlanbaranova@yandex.ru

МОСКОВСКИЙ ИЗРАЗЕЦ XVII ВЕКА В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

В статье рассматриваются способы и пути распространения форм и технологий изготовления изразцов. Их производство развивалось в Москве в конце XV – XVI в., а во второй половине XVII в. достигло массового уровня и охватило значительное число городов во всех областях Русского государства. Фиксируются разные формы распространения: покупка готовых изделий жителями других городов; трансфер технологий (передача из Москвы резных матриц для печати изображений, обучение приемам обжига и варки глазури и др.); перемещение самих мастеров-изразечников из Москвы в провинцию. Выводы основаны на сравнении обширных коллекций изразцов Москвы с продукцией новых центров производства и анализе местных изделий.

Ключевые слова: изразец, изразцовый декор, мастер, орнамент, заказчик.

Введение

Позднесредневековые изразцы из разных мест в границах всей России имеют явное сходство. Это характерно как для ранних стадий развития, так и особенно для периода расцвета изразцового производства во второй половине XVII столетия. В связи с обсуждением вопроса о том, что обуславливало сходство, известные исследователи изразцового искусства Н.В. Воронов и И.Г. Сахарова отмечали: «По этому поводу выдвигался ряд смелых предположений – о стандартности производства изразцов, о переездах “изразешных мастеров” из города в город, о наследовании гончарами-учениками изразцовых форм гончаров-мастеров и пользовании этими формами в дочерних мастерских, расположенных в других “местностях”, и т.п. Все же ни одно из высказанных мнений не имеет пока достаточного обоснования, и вопрос может считаться до сих пор открытым» [1955, с. 78].

«Путь» изразца

Изучение русских изразцов (как архитектурных, так и печных) позднего Средневековья выявило некото-

рое единообразие изделий на весьма обширной территории Московской Руси [Баранова, 2007]. Существовало мнение, что одни из первых керамических фасадных изделий – терракотовые плиты, которыми с конца XV до середины XVI в. украшались все столичные, а также подмосковные постройки, «строители получали из мастерских Москвы, обладавших высоким уровнем гончарного производства» [Выголов, 1975, с. 313]. Но наиболее ярко это «единообразие» проявилось во второй половине XVII в. с наступлением царства многоцветных изразцов, когда они заняли первостепенное место в наружном облике и интерьерах и рассматривались как образцы «московского вкуса». Результаты работы по выявлению и изучению всего сохранившегося круга московских изразцов позволяют уверенно сделать вывод о широком распространении столичных изделий на всей территории Русского государства.

Наиболее часто это происходило в форме поставки готовой продукции. Немногочисленные факты поставки подтверждены документально [Воронов, Сахарова, 1955]. Вопрос о происхождении изделий ввиду отсутствия об этом сведений можно решать путем сопоставления изразцов из Москвы и из других городов, например, Углича, Устюга, Ярославля, Соль-

вычегодска, Соликамска, Рязани. Происхождение некоторых изразцов представляется очевидным: они выделяются «фирменными» столочными особенностями. Среди них – варианты изразцовых панно «птицы с плодами», украсившие в 1680-х гг. колокольню церкви Космы и Дамиана в Садовниках (рис. 1)*, в 1702 г. – трапезную церкви Успения в Гончарах; такие панно (иногда с незначительными изменениями в рисунке) имеются в оформлении Иосифо-Волоцкого и Пафнутьево-Боровского монастырей, а также церкви Зосимы и Савватия в с. Фаустово под Москвой. Особое место в ряду подобных изделий занимают панно с горельефными фигурами евангелистов, которыми оформлены некоторые памятники Москвы, а также надвратная церковь Иоанна Предтечи в Солотчинском монастыре под Рязанью. Для этого же Солотчинского монастыря в Москве были закуплены изразцы с изображением херувимов (РГАДА. Ф. 1202. Оп. 1. Ед. хр. 243; рис. 2, 3).

Другим способом распространения изразцов был перенос деревянных форм (матриц) для «ценинного дела» в местные мастерские, чему способствовала легкодоступность транспортировки. Об использовании монастырских форм свидетельствуют письменные источники, например, документ 1683 г. об их передаче в Москву: «По указу Великих Государей велено строить каменные палаты... а к тому строению для дела ценинных образцов формы взять из Воскресенского монастыря, какие понадобятся» (цит. по: [Леонид [Кавелин], 1876, с. 105]). Установлено, что формы для изготовления фриза «павлинье око» в Воскресенском соборе Ново-Иерусалимского монастыря в Москве впоследствии были использованы для оформления Покровского собора в Измайлове, церкви Григория Неокесарийского на Большой Полянке, надвратной церкви Андреевского монастыря (подробнее см.: [Воронов, Сахарова, 1955, с. 107–110]). Пример такого способа распространения изразцов имеется в истории создания декора церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду: для него также использовались формы из Ново-Иерусалимского монастыря. Это подтверждается документальными данными [Розыскные дела..., 1888, стб. 855–858; Леонид [Кавелин], 1876, с. 69–70], а также результатами изучения сохранившихся изразцов, демонстрирующих поразительное сходство в рисунке и проработке рельефа с ново-иерусалимскими изделиями [Баранова, 2000].

Распространение изразцов происходило благодаря поездкам казенных мастеров из Москвы, например, для организации изразцового производства на каком-либо строительстве, для обучения местных

Рис. 1. Изразцовое панно «птица с плодами» из декора колокольни церкви Космы и Дамиана в Садовниках в Москве. Начало 1680-х гг. Собрание Московского государственного объединенного музея-заповедника.

Рис. 2. Изразец из декора церкви Ермолая на Садовой в Москве. 1682 г. Собрание Московского государственного объединенного музея-заповедника.

мастеров, а чаще всего – для изготовления большой партии изделий. Часто московские мастера везли с собой и изразцовые формы. В столице работали киевляне и галичане, суздальцы и нижегородцы, костромичи и ярославцы [Фролов, 1991, с. 9], осваивавшие приемы московских мастеров-«ценинников». Все это

*Пример неожиданного использования панно (видимо, вторичного) – облицовка печи палат архиепископа в Спаском монастыре в Рязани.

Рис. 3. Изразцовый декор церкви Святого Духа в Солотчинском монастыре. 1695 г.

способствовало не только знакомству местных мастеров с московской технологической «кухней», но и широкому распространению столичной орнаментики. Детальное сравнение, на первый взгляд, идентичных рисунков на изразцах, найденных в разных пунктах, позволяет обнаружить малозаметные различия.

Нередкий за пределами Москвы раппорт с вазой на изразцах, например, на храме Вознесения Вязищского монастыря под Новгородом [Выголов, 1968, с. 254], Покровской церкви в Тутаеве [Немцова, 1990, с. 344], колокольне Спасской церкви в Балахне [Там же], Спасо-Преображенской церкви в Устюге [Шильниковская, 1973, с. 222], Кузнечной башне Иосифо-Волоцкого монастыря (см.: [Воронов, Сахарова, 1955, с. 102]), а также на археологических находках из различных регионов, например, из Верхотурья (см.: [Соколова, 1998]) различаются в деталях. Видимо, при переносе рисунка на другую форму в первоначальный вариант вводились дополнительные завитки, цветы, листья и т.д. Речь идет о широком использовании полюболюбившихся мотивов и вариантов рисунка, т.е. об одной из самых распространенных форм его «миграции» – использовании мотивов, разработанных московскими мастерами. В этой связи нельзя не отметить убранство церкви Рождества Богородицы на Молоткове в Великом Новгороде (конец XVII – начало XVIII в.). Барабан храма украшает пояс из довольно крупных стенных изразцов, которые являются уменьшенным вариантом московского панно «птица с плодами». Они изготовлены, скорее всего, местными мастерами, учитывавшими необходимые размеры, но

по московским образцам. Таким образом, памятники ряда городов представляют собой примеры и прямого копирования, и использования элементов рисунка московских изразцов.

Особенно широко и демонстративно типы изразцов, характерные для памятников Москвы, представлены в Ярославле. С этим наблюдением, сделанным еще в XIX в., впоследствии соглашались многие специалисты (подробнее см.: [Баранова, 2001, 2007, 2010]). К сожалению, никаких документальных данных о покупке московских изразцов или поездках в Ярославль столичных мастеров не найдено, а точки зрения исследователей на происхождение изразцов не совпадают. «По мнению местного археолога и глубокого знатока Ярославской старины В.И. Лествицына, изразцы в Ярославле не местные, а привозные... Представляется, что единственным источником для получения Ярославлем изразцов могла быть только Москва...» (цит. по: [Султанов, 1885, с. 62–63]). Н.Г. Первухин считал, что «несомненно, эти изразцы вышли с одного завода, конечно, местного, так как Ярославль в золотой век своего зодчества понастроил множество кирпичных заводов и гончарных мастерских, которые снабжали прекрасным материалом» [1916, с. 13].

В пользу версии о том, что изразцы были изготовлены в Москве, свидетельствуют сами ярославские изразцы. Аналоги столичных изразцов встречаются почти на всех памятниках города. Е.В. Кондратьева отмечает: «Изразцы на церкви Иоанна Предтечи в Толчке демонстрируют очевидное сходство с мос-

ковскими изделиями» [1998, с. 412]. Многочисленными примерами сходства являются изразцы и на других ярославских памятниках. В первую очередь это крупноформатные изразцы с розетками; впервые они были использованы при оформлении Ново-Иерусалимского монастыря, затем появились в Москве и позднее – в Ярославле. Известную московскую серию повторяют ярославские изразцы с изображением птиц. Впервые такие изразцы появились в Москве на Мостовой башне в Измайлове, а затем – в убранстве колокольни церкви Николы Явленного на Арбате. Вообще изразцы с птицами буквально «разлетелись» по России; они встречаются в балахнинском, нижегородском, ростовском и борисоглебском декорах. Местные интерпретации таких изразцов известны по оформлению храмов Великого Устюга, Пскова, Коврова, Суздаля, Углича, Костромы, Соликамска, Верхотурья.

Широту распространения изразцов позволяет представить убранство Вяжицкого монастыря*. Изразцовый декор отличал церкви Иоанна Богослова и Вознесения с трапезной палатой (1694–1698) и колокольни (1708) от всех известных в новгородских землях памятников. На первый план в нем выходят известные московские изразцовые композиции, например, раппорт с изображением вазы с цветами, украшавший церковь Адриана и Натальи в Мещанской слободе и колокольню церкви Троицы в Зубове. Необычайно пышное воплощение на изразцах в Вяжицком монастыре получила тема государственного герба (подробнее см.: [Воронов, 1917; Выголов, 1968]). В убранстве собора и колокольни монастыря встречаются два вида изразцовых геральдических композиций, хорошо известных в Москве. Первый вид – четырехчастные панно в ширинчатом фризе верхнего яруса и парапета звона колокольни, построенной в 1708 г., сходные с гербовыми панно в декоре Сухаревой башни в Москве. Второй вид – раппортная композиция, такая же как на Главной аптеке в Москве, воспроизведена на Трапезной церкви Иоанна Богослова, которую возводили в Вяжицком монастыре в 1697–1698 гг. и достраивали в 1702 г. Такое насыщение изображениями государственного герба главных монастырских сооружений не могло быть случайным. По мнению В.П. Выголова, использование изразцов с гербом в постройках монастыря связано с участием Петра I в Северной войне и деятельностью митрополита Иова (1697–1716), который пользовался особым уважением и расположением самого императора и его ближайшего окружения [1968, с. 259].

Если панно с орлами представлены на колокольне полностью, то изразцовые раппорты с геральдиче-

ским орлом и с вазой – по отдельности*. Фрагменты двухрядного раппорта с орлом входят в состав однорядного фриза: они создают орнамент из чередующихся голов с крыльями и лап. Некоторые фрагменты раппорта нашли применение как вставки. Так же свободно использована композиция с вазой. Это свидетельствует о том, что изразцы были привозными, не предназначенными для конкретного сооружения, их изготовили без учета архитектурных особенностей строящихся зданий и в дальнейшем разместили на месте довольно вольно.

Итак, можно утверждать, что с появлением изразцового производства в Москве его продукция получила широкое распространение. При отсутствии документальных свидетельств о происхождении изделий типологическое сравнение является одним из важных способов выявления генезиса технологий, орнаментов и использования местных изразцовых групп в архитектуре. В этом случае поиск московских аналогов – необходимый прием. На результатах сопоставления местных и московских образцов основана гипотеза о московском происхождении изразцов Вяжицкого монастыря, памятников Углича, Ярославля, Сольвычегодска и многих других городов. При этом можно проследить местные, региональные варианты оформления изразцов и введения их в структуру декора, отличную от московской, иногда в незначительном объеме. Изучение этих региональных версий заставляет задуматься об обстоятельствах и механизмах их появления. Письменные источники, в которых упоминается о местных изразцовых производствах, крайне немногочисленны. Документальные свидетельства о многих основных центрах производства XVII в. (Ярославль, Балахна, Суздаль, Владимир) пока не известны. Однако ясно, что в таких городах, как Ярославль, Владимир, Суздаль, Балахна, Калуга, Великий Устюг, Соликамск и др., где велось крупное строительство и имелись собственные кирпичное и гончарное производства, могли возникнуть изразцовые центры.

Не вызывает сомнения широкое распространение производства красных изразцов, ведь даже небольшая мастерская могла освоить их выпуск: это не требовало больших затрат на глазурь и на оплату труда мастера, который должен был знать рецептуру глазури и справ-

*Изразцовый декор монастыря подробно проанализирован В.П. Выговым [1968].

*Использование разрозненных изразцов встречается довольно часто. Например, в Иосифо-Волоцком монастыре «некоторые раппорты собраны из разных как по рисунку, так и по раскраске изразцов, а некоторые представляют собой лишь вертикальную половину композиции» [Воронов, Сахарова, 1955, с. 106], «отдельные зеленые изразцы из этой композиции украшают фриз колокольни Александровского монастыря в Суздале... В Христорождественском Ковровском соборе разрозненно использованы все части панно» [Немцова, 1990, с. 344].

ляться с ее обжигом. В Подмосковье производство красных изразцов было налажено, например, в Троице-Сергиевом монастыре [Розенфельдт, 1968; Энговатова, Зеленцова, 2005; Щербаков, 2005]. Р.Т. Розенфельдт выделял четыре группы изразцов из Троице-Сергиевой лавры, которые он датировал 1660-ми гг. и по своеобразию сюжетов отличал от московских [1968]. Продукцией местного производства являются красные изразцы, обнаруженные во время археологических раскопок в Суздале, Владимире [Немцова, 1990, 1991а] и Рязани [Яхонтов, 1927]. Красные изразцы находят повсюду: на Новгородчине [Яковлева, Жегурова, 2006], в Казани [Ситдинов, 2006], Сибири [Черная, 2002].

Сохранились сведения о существовании в XVII в. собственного производства изразцов в Переславле-Залесском. В монастырских приходно-расходных книгах за 1687–1688 гг. имеется пять упоминаний о покупке изразцов для сооружения и ремонта печей в жилых помещениях с указанием имени гончара: «...дано за израсцы и от кладен(ь)я переславцу Андрею Корнилову...» (цит. по: [Белецкий, 2008, с. 180]).

О производстве изразцов в тех или иных городах свидетельствуют и археологические находки. Например, в Балахне были обнаружены остатки горнов для обжига изразцов [Немцова, 1991б].

Доказательством деятельности изразцового центра в определенном городе является наличие в нем памятников, оформленных большим количеством изразцов, а также находках, объединенных комплексом общих специфических характеристик [Немцова, 1991в, с. 6–7]. Этот критерий, использованный при изучении изразцового производства, вполне соотносим с масштабами изразцового убранства ряда городов.

Вероятнее всего, в XVII, а часто и в XVIII в. изразцовое дело было частью кирпичного и гончарного производства. В местных мастерских сосуществовали два территориально не разделенных производства: по изготовлению посуды или кирпича и изразцов. Чаще всего изготовление изразцов сочеталось с гончарным производством.

Не вызывает сомнения, что продукцией местного производства были муравленные изразцы середины – второй половины XVII в., изготовленные в печах корпуса монастырских келий Александровской слободы*. Их отличают не имеющая аналогов горшкообразная высокая румпа и низкорельефный ковровый орнамент.

Изучение изразцов Соловецкого монастыря показало, что стеновые изразцы прямых аналогов не имеют, в то время как «изразцы вспомогательной группы

в ряде случаев в точности совпадают с изразцами других музейных коллекций и с изразцами печей Москвы и Ярославля» [Петровская, 2006, с. 258]. Вероятно, изразцы дополнительной группы монастырь покупал на материке, стеновые же изразцы, более тяжелые и хрупкие, что затрудняло их перевозку, изготавливали на месте местные либо приглашенные мастера.

О местном производстве свидетельствуют некоторые особенности конструкции (румпа) и характера изображений изразцов Великого Устюга – одного из крупнейших торговых городов Севера. Архитектурный облик города начал складываться во второй половине XVII в., в период активного использования многоцветных изразцов в убранстве зданий. А.В. Филиппов отмечал, что оригинальность и неповторимость румпы изразцов Великого Устюга «помогли установить по этому и ряду других признаков существование на Севере одного из крупных самостоятельных центров изразцового производства, которое может быть объединено понятием Северо-Двинской школы» [1938, табл. 16]. Однако толчком к использованию изразцов в декоре архитектурных памятников Великого Устюга XVII в. явился опыт Москвы. Впервые в Великом Устюге изразцы нашли применение при возведении Вознесенской церкви, они были изготовлены в Москве*. Но уже во второй половине столетия устюжские изразцы, копируя московские образцы, обогащаются новыми элементами, которые нередко трансформируют сюжет (подробнее см.: [Лисенкова, 2010]). Особенности трактовки известных орнаментов в декоре памятников Устюга свидетельствуют об изготовлении изразцов непосредственно на месте.

Уральский и сибирский «путь» изразца обозначен памятниками с изразцовым декором – это Троицкий собор и Богоявленская церковь в Соликамске, Троицкий собор в Верхотурье и др. Известно, что богатейшее изразцовое убранство имела утраченная к настоящему времени церковь Благовещения в Тюмени (1700–1708): «наличники окон и дверей были украшены изразцами из поливной керамики зеленых и фиолетовых тонов. Майоликовые вставки с рельефными изображениями виноградных лоз завершали стены храма под угловыми колонками. Верхнюю часть повышенного объема храма – четверика – украшали также майоликовые вставки, а на глухой части северного фасада трапезной располагалось большое и красочное майоликовое панно – “травы”. Значительную роль в архитектуре храма играл подкарнизный пояс, выполненный из майоликовых плит, на которых витиеватой славянской вязью написано о времени сооружения церкви и причастных к строительству лицах» [Проскурякова, 1986, с. 114–115].

*Хранятся в собраниях Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Александровская слобода», Государственного Исторического музея, Московского государственного объединенного музея-заповедника.

*О московском происхождении изразцов Вознесенской церкви см.: [Маслих, 1983, с. 13; Немцова, 1991а, с. 91].

Почти столичная пышность изразцового убранства строений на периферии неудивительна. Известно, что в изготовлении изразцов участвовали московские умельцы, входившие в присланные из Москвы «отряды квалифицированных мастеров» [Там же]. В 1680-х гг. в Тобольске работал московский мастер Герасим Шарыпин, который делал «обрасцы муравленные и печи» [Черная, 2002, с. 65]. С именем Тимофея Марковича Гусева из московской Гончарной слободы, направленного в 1699 г. в Верхотурье для сооружения каменных построек, связывают и изразцовое убранство городского Троицкого собора [Копылова, 1979, с. 132–133]. Сюда же в 1700 г. были доставлены «черепичные станки да глина, из которой на Москве делают печные образцы и черепицу» [Каптиков, 1990, с. 166]. На территории Верхотурского кремля в 1980–1990 гг. были обнаружены следы керамической мастерской для производства поливной строительной керамики [Соколова, 1998, с. 165].

В обязанности приезжих мастеров входило и обучение «черепишному простому и муравленому и печному образцовому делу в год человек 5 или 6 ис кирпичников, ис пешников, ис горшешников, ис каменщиков» [Черная, 2002, с. 65], после чего вскоре у горнов встали местные мастера. Отсюда разнообразие отличительных черт изразцов Урала и Сибири. В одних случаях это откровенные реплики, позволяющие предположить московское или иное (например, поволжское) производство, в других – изразцы с региональными особенностями, свидетельствующими о местном производстве, но и в них зачастую отражен импульс, пришедший «с Руси».

Заключение

Позднесредневековый изразец – незаменимый источник сведений, расширяющий наши представления о столичном и провинциальном производствах, о том, как создавались региональные школы с оригинальными, присущими только местному производству особенностями. Большая часть школ сформировалась непосредственно под влиянием Москвы и лишь некоторые – самостоятельно. Все региональные версии несут отпечаток московской традиции, которая продолжала существовать в провинции до середины XVIII в., когда в Центре изразец на фасаде уже давно исчез.

Список литературы

Баранова С.И. К истории создания изразцового декора церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. – М.:

Музей истории города Москвы, 2000. – Ч. 3. – С. 205–213. – (Тр. Музея истории города Москвы).

Баранова С.И. К вопросу о московских аналогиях в изразцовом декоре ярославских церквей XVII в. // Научные чтения памяти И.П. Болотцевой. – Ярославль: Аверс Пресс, 2001. – Вып. V. – С. 99–109.

Баранова С.И. Миграция московских изразцов // Коломенское: Материалы и исследования. – М.: Мос. гос. объедин. музей-заповедник, 2007. – Вып. 9. – С. 64–78.

Баранова С.И. Московские изразцы: формы миграции // XIV научные чтения памяти И.П. Болотцевой. – Ярославль: Аверс Пресс, 2010. – С. 119–128.

Белецкий Д.В. Производство печной керамики в конце XVII века в Переславле-Залесском // Зубовские чтения. – М.: Гос. историко-архитект. и худож. музей-заповедник «Александровская Слобода», 2008. – Вып. 4. – С. 179–183.

Воронов В.С. Керамика Вязицкого монастыря // Изв. Археол. комиссии. – М., 1917. – Вып. 64. – С. 32–39.

Воронов Н.В., Сахарова И.Г. О датировке и распространении некоторых видов московских изразцов // Материалы и исследования по археологии Москвы. – М.: ИА АН СССР, 1955. – Т. 3. – С. 77–115.

Выголов В.П. Монументально-декоративная керамика Новгорода конца XVII в. (Изразцы Вязицкого монастыря) // Древнерусское искусство: Художественная культура Новгорода. – М.: Наука, 1968. – С. 237–267.

Выголов В.П. Русская архитектурная керамика конца XV – начала XVI в. // Древнерусское искусство: Зарубежные связи. – М.: Наука, 1975. – С. 282–317.

Каптиков А.Ю. Каменное зодчество Русского Севера, Вятки, Урала XVIII в. Проблемы региональных школ. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1990. – 184 с.

Кондратьева Е.В. Изразцы церкви Иоанна Предтечи в Толчкове // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник, 1997. – М.: Наука, 1998. – С. 399–415.

Копылова С.В. Каменное строительство в Сибири: Конец XVII – XVIII в. – Новосибирск: Наука, 1979. – 255 с.

Леонид [Кавелин], архим. Историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именованного, монастыря. – М.: [Университет. тип. (Катков) на Струнном бульваре], 1876. – 770 с.

Лисенкова Ю.Ю. Фасадная керамика Великого Устюга XVII – первой половины XVIII века: (предпосылки возникновения и развития) // Вестн. Моск. гос. худож. ун-та им. С.Г. Строганова. – 2010. – № 4. – С. 94–107.

Маслих С.А. Русское изразцовое искусство. – М.: Изобраз. искусство, 1983. – 270 с.

Немцова Н.И. Новые материалы о суздальском изразцовом искусстве // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник, 1989. – М.: Наука, 1990. – С. 341–349.

Немцова Н.И. Владимиро-суздальские рамочные изразцы // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Пространство и пластика. – М.: Наука, 1991а. – Вып. 4. – С. 75–94.

Немцова Н.И. Балахнинские изразцы // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: мат-лы науч. конф. – Ниж. Новгород, 1991б. – С. 171–179.

Немцова Н.И. Методика исследования, реставрации и реконструкции изразцовых печей XVII–XVIII вв. на материале Владимирской области: автореф. дис. ... канд. архитектуры. – М., 1991в. – 24 с.

Первухин Н.Г. Церковь Богоявления в Ярославле. – Ярославль: Изд-во Ярослав. худож. об-ва, 1916. – 26, [1] с. +[13] л. ил.

Петровская Л.А. Поливные плиты и изразцы // Наследие Соловецкого монастыря в музеях Архангельской области: каталог / сост. Т.М. Кольцова. – М.: Сканрус, 2006. – С. 255–268.

Проскурякова Т.С. О традиционализме в монументальной архитектуре Сибири XVIII в. // Архитектурное наследство. – М., 1986. – Вып. 41. – С. 113–124.

Розенфельдт Р.Л. Серия изразцов мастерской Троице-Сергиева монастыря // Славяне и Русь. – М.: Наука, 1968. – С. 463–467.

Розыские дела о Федоре Шакловитом и его сообщениях. – СПб.: [Изд. Археограф. комиссии], 1888. – Т. 3. – 726 с.

Ситдинов А.Г. Казанский Кремль: историко-археологическое исследование. – Казань: Фолиант, 2006. – 288 с.

Соколова Н.Е. Изразцы Верхотурского кремля // Археологические и исторические исследования Верхотурья. – Екатеринбург: Изд-во Екатеринбург. гос. ун-та, 1998. – С. 165–170.

Султанов Н.В. Изразцы в древнерусском искусстве // Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной. – СПб.: [Изд. А. Прохоровым], 1885. – Т.4. – 63 с.

Филиппов А.В. Древнерусские изразцы XVII века. – [Б.и.]. – 1938. – Вып. II [Электронный ресурс]. – URL: www.

ibm.bmstu.ru/departments/ibm4/prep/menyaev/I_site/terracota.html (дата обращения: 13.10.2013).

Фролов М.В. Мастера-изразечники Москвы XVII – начала XVIII века. – М.: Ин-т Спецпроектреставрация, 1991. – 70 с.

Черная М.П. Томский Кремль середины XVII – XVIII в. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. – 187 с.

Шильниковская В.П. Великий Устюг (развитие архитектуры города до середины XIX века). – М.: Стройиздат, 1973. – 228 с.

Щербаков В.В. Новые находки красных изразцов XVII века в Троице-Сергиевой лавре // Археология Подмосковья: мат-лы науч. семинара. – М., 2005. – Вып. 2. – С. 107–110.

Энгватова А.В., Зеленцова О.В. Исследование участка кладбища XVI–XVII веков на территории Троице-Сергиевой лавры // Археология Подмосковья: мат-лы науч. семинара. – М., 2005. – Вып. 2. – С. 78–87.

Яковлева Л. П., Жегурова О.В. Изразцы в собрании Новгородского музея: каталог выставки. – Великий Новгород: Моби Дик, 2006. – 136 с., илл.

Яхонтов С.Д. Красные изразцы в собраниях Рязанского областного музея // Рязанский государственный областной музей: Исслед. и мат-лы. – Рязань: Ряз. гос. обл. музей, 1927. – Вып. 1. – С. 5–11.

Материал поступил в редколлегию 14.11.13 г.

Abstract

Based on the comparison of large collections of 15th–18th century Russian decorative tiles from Moscow and other Russian manufacturing centers, their typology is proposed, and the technology of their manufacture is reconstructed. The production of decorative tiles began in the late 15th century, and reached its peak in the second half of the 17th century, when it spread to other towns throughout all provinces of Russia. Tiles were distributed in various ways being imported to other cities and their technologies being transferred. Carved templates used for printing were exported from Moscow, skills of firing, preparing glaze, etc. were taught, and artisans themselves traveled from Moscow to various other provinces.

Keywords: *tiles, tile pattern, artisan, ornament, customer.*